

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 7 / 2025, Iss. 7 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 340.11

Проблема трансформации критериев правомерного поведения в цифровом обществе

¹ Бортников Д.М.

¹ *Российский новый университет*

Аннотация: статья посвящена проблематике определения критериев правового поведения в цифровом обществе. Цель настоящего исследования – выявить проблемы определения критериев для ограничения правомерного поведения индивидов от других видов поведения в обществе, претерпевающем цифровизацию. В результате проведенного анализа автором сделан ряд выводов. Во-первых, правомерное поведение, ограниченное от неправомерного и противоправного видов поведения, связывается не только с соответствием нормам законодательства, но и наступлением социально-полезного результата; во-вторых, выделены доктринальные критерии правомерного поведения личности, заключающиеся в системности, урегулированности законодательством, одобрении обществом и соответствии закону; в-третьих, определено, что цифровизация современного общества приводит к трансформации и фрагментации правосознания индивидов, что оказывает влияние на их поведение; в-четвертых, выделены условные поведенческие сегменты правового поведения, основанные на фрагментации правосознания индивидов, сформированности правосознания. В заключение автором отражено предположение о том, что в условиях трансформации пока невозможно выделить устойчивые критерии правомерного поведения, поскольку даже не все категории отношений, возникающих в связи с цифровизацией, отражены в законодательстве. Возможность практического применения результатов исследования заключается в том, что выделенные поведенческие сегменты могут послужить отправной точкой для разработки критериев правомерного поведения и возможности его ограничения от неправомерного и противоправного поведения в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: правомерное поведение, критерии правомерного поведения, правовое регулирование, цифровизация общества, трансформация поведения, фрагментация правосознания

Для цитирования: Бортников Д.М. Проблема трансформации критериев правомерного поведения в цифровом обществе // Современный ученый. 2025. № 7. С. 430 – 439.

Поступила в редакцию: 12 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 мая 2025 г.; Принята к публикации: 6 июля 2025 г.

The problem of transformation of criteria of lawful conduct in a digital society

¹ Bortnikov D.M.

¹ *Russian New University*

Abstract: the article is devoted to the problem of defining criteria for lawful conduct in a digital society. The purpose of this study is to identify the problems of defining criteria for distinguishing lawful conduct of individuals from other types of conduct in a society undergoing digitalization. In the course of the research, general scientific and specialized methods of cognition were applied, including formal legal methods, methods of analysis and syn-

thesis, modeling. As a result of the analysis, the author draws a number of conclusions. Firstly, lawful conduct, distinguished from unlawful and unlawful types of conduct, is associated not only with compliance with the norms of legislation, but also with the onset of a socially useful result; secondly, the doctrinal criteria of lawful conduct of a person are highlighted, consisting in consistency, regulation by legislation, approval by society and compliance with the law; thirdly, it is defined that the digitalization of modern society leads to the transformation and fragmentation of individuals' legal consciousness, which affects their conduct; fourthly, conditional behavioral segments of lawful conduct are identified, based on the fragmentation of individuals' legal consciousness and the formation of legal consciousness. In conclusion, the author reflects the assumption that, in the context of transformation, it is not yet possible to identify stable criteria for lawful conduct, since not even all categories of relations arising in connection with digitalization are reflected in legislation. The possibility of practical application of the research results lies in the fact that the identified behavioral segments can serve as a starting point for developing criteria for lawful conduct and the possibility of distinguishing it from unlawful and unlawful conduct in the context of the digital transformation of society.

Keywords: lawful conduct, criteria of lawful conduct, legal regulation, digitalization of society, transformation of conduct, fragmentation of legal awareness

For citation: Bortnikov D.M. The problem of transformation of criteria of lawful conduct in a digital society. Modern Scientist. 2025. 7. P. 430 – 439.

The article was submitted: March 12, 2025; Approved after reviewing: May 17, 2025; Accepted for publication: July 6, 2025.

Введение

Определение государства, как правового, предполагает, что значительная или большая часть общественных отношений предполагают регулирование путем принятия законодательства (как законов, так и подзаконных нормативных правовых актов), а также применения тех источников права, которые не являются нормативными, если это допускается. Как следствие формируется законодательство государства, в котором определяются критерии допустимого, желаемого и полностью запретного под угрозой наказания поведения субъектов общественных отношений.

Традиционно в теории права еще с советских времен правомерное поведение выделяется, как наиболее желательное для государства [24]. Однако терминология права в данной части сохраняет неопределенность, так как правомерным считается поведение предполагающее и соблюдение императивных норм, и отсутствие нарушений запретов, и независимость от наличия или отсутствия правовых норм. Сохранение подобной ситуации неопределенности правового понятия правомерного поведения отчасти обусловлено разнообразием критериев, на основании которых поведение должно оцениваться, а также отсутствием некого условного идеала поведения, где были бы наглядно проявлены признаки правомерного поведения.

Особенно проблема неопределенности правомерного поведения проявляется в современном обществе, претерпевающем трансформацию в связи с проникновением цифровизации во все сферы общественной жизни.

Материалы и методы исследований

В исследовании формально-логические методы (анализ и синтез, абстрагирование, конкретизация, дедукция); общенаучные методы (системный, структурно-функциональный, формально-догматический); специально-научные методы (метод юридической герменевтики). Анализ проводился на основе специальной литературы, посвященной правовому поведению, цифровой трансформации общества.

Результаты и обсуждения

В силу того, что Россия определена в Конституции РФ, как правовое государство [1], можно утверждать, что значительная часть общественных отношений должна выстраиваться на основе норм права, полномочия принятия которого делегированы населением государству и его органам. Безусловно далеко не все отношения, которые выстраиваются между людьми, предполагают обязательное правовое регулирование, или предполагают возможность правовой регламентации только в определенных случаях, когда присутствует потребность упорядочить их либо обеспечить защиту интересов субъекта.

В аспекте отношения человека к нормам права и их соблюдению наиболее распространенной является классификация, согласно которой выделяются два диаметрально различных типа поведения – правомерное и неправомерное [24].

Согласимся с Н.Ю. Фроловой, что понятия правомерности и неправомерности тесно взаимосвязаны, а изменение нормативных границ неправомерного поведения приводит к тому, что пред-

ставление об исследуемых категориях изменяется [25], как в законодательстве, так и в обществе.

В.Н. Казаков как правомерное поведение определяет «волеизъявление субъекта, соответствующее праву, его идеям» [12]. Акцент на данной точке зрения в настоящей работе сделан вследствие того, что оценка поведения осуществляется с позиции его осознанности, то есть возможности понимать сущность и последствия своих действий и выражать собственную волю.

Н.Ю. Фролова, формулируя понятие правомерного поведения, выделяет такие его признаки, как осознанность и целенаправленность. Определяя понятие неправомерного поведения, Н.Ю. Фролова рассматривает его как антипод правомерного. Удачной представляется предложенная данным автором формулировка неправомерного поведения – оно является «общественно-вредным», при этом будучи разделенным на «правонарушение, объективно-противоправное действие и злоупотребление правом» [25].

Предлагаемое Н.Ю. Фроловой воззрение на правомерное и неправомерное поведение как на парные категории представляется абсолютно правильным. Само понятие «правомерность» неразрывно связано с понятием права. Определение поведения непосредственно в законодательстве как запретного под угрозой наказания и привлечения к той или иной ответственности (например, гражданско-правовой), позволяет определить иное поведение уже как неправомерное или противоправное, в зависимости от того, какие правовые последствия возникают и как действие оценивается государством.

Достаточно точно отражающим сущность понятия «правомерное поведение» представляется предложенное Е.В. Титовой – это «поведение, осуществляющееся в соответствии с требованиями публичной власти» [22].

Данная формулировка содержит основной и наиболее важный признак правомерного поведения – это оценка его со стороны государства, исходя из норм действующего права, формирование которого осуществляется исключительно государством и его органами. Иными словами, для оценки поведения как правомерного приоритетным является такой критерий, как норма права, с позиции которой, как верно отмечает И.А. Боляк, происходит оценка поведения как приемлемого и допустимого [7]. Приемлемость в данном случае – это признак, который закрепляется в законодательстве и проявляется, как характеристика поведения субъекта, не предполагающего возникновения ответственности. Допустимость – это также нормативно определяемый признак, характер которого

может быть установлен, исходя из существующих границ правомерного поведения, наличия ограничений и характеристик неправомерного, а также противоправного поведения. Данные признаки положены и в основу правового регулирования, в том числе применительно к оценке гражданско-правовых отношений [8], а также иных, где существует не неправомерность, а противоправность поведения.

В.В. Оксамытный, как базовый критерий определения правомерности поведения личности, выделяет «дозволено все, что не запрещено законом» [18].

Можно согласиться с приемлемостью данной формулировки, но все же представляется необходимым отметить, что она приемлема для характеристики не только правового поведения, но и нейтрального с позиции права поведения, не предполагающего оценки со стороны государства и не создающего правовые последствия, что обуславливает безразличность его для государства, но не всегда для общества, оценивающего поведение не только с позиции соответствия требованиям законодательства, но и в аспекте приемлемости для окружающих [1].

В рамках исследования стоит так же обратить внимание на категории неправомерного и противоправного видов поведения, с целью ограничения правомерного поведения от иного. Так, распространено мнение, согласно которому понятия «неправомерное» и «противоправное» поведение тождественны в силу того, что неправомерное поведение напрямую нарушает действующие нормы права [21], что неправомерное поведение влечет за собой наступление ответственности [11]. Утверждения спорные и, как представляется, не совсем верные, поскольку оно не предполагает градации степени нарушения, которая является основой российского законодательства. Например, не будет правомерным поведение, при котором не соблюдаются нормы гражданского права. Однако оно не может быть определено как противоправное, так как неисполнение не карается путем наложения наказания, которое предусмотрено административным и уголовным законодательством.

Как противоправное следует рассматривать поведение, при котором речь идет не о несоблюдении норм права, а о совершении действий, прямо закрепленных в качестве противоправных. Неисполнение обязательства – это несоблюдение норм права, то есть поведение неправомерное. Совершение действия, подпадающего под признаки преступного – это противоправное поведение, также, как и совершение иного действия, закрепленного как

запретное, то есть административного правонарушения, налогового и так далее.

Таким образом, правомерное поведение можно понимать, как волевые и осознанные действия (или бездействие) лица (физического или юридического), соответствующие позитивным положениям законодательства (гражданского, административного, уголовного, трудового и т.д.), и выраженные социально-полезным результатом, наступления которого лицо желало и предусматривало.

С нашей точки зрения, в правомерном, неправомерном или противоправном поведении соответствие позитивным или негативным положениям законодательства следует понимать как соответствие/несоответствие нормам, которые положительно характеризуются в законодательстве и обществе (например, ст. 61 Семейного кодекса РФ [4] о равных правах и обязанностях родителей по отношению к детям), и соответствие нормам отрицательного характера (диспозиции норм законодательства об административных правонарушениях, уголовного законодательства). При этом, если при правомерном поведении лицо точно понимает, что поступает в соответствии с законом и морально-нравственной общественной оценкой (оценочная категория, имеющая, тем не менее, законодательное закрепление, например, в ст. 5.35 КоАП РФ [3] об ответственности родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка), то при неправомерном поведении лицо понимает, что его поведение отклоняется от соответствия позитивной норме, однако в силу различных обстоятельств не может оказаться на это влияния, либо не желает.

При этом следует обратить внимание на результат поведения. В каждом из приведенных случаев они различаются. При правомерном поведении наступает социально-полезный результат (полезный для конкретных лиц и для общества), при неправомерном и противоправном поведении наступает социально-значимый результат (имеющий негативное значение для конкретных лиц и для общества).

Волевой элемент в правомерном поведении отражен желанием и предусмотренностью наступления социально-полезного результата, в неправомерном – возможными желаниями и предусмотренностью наступления социально-значимого (негативного) результата, в противоправном – желанием и предусмотренностью наступления социально-значимого (негативного) результата. Как известно, противоправное поведение имеет градацию в уголовном законодательстве, когда доказыванию подлежит наличие умысла совершения преступно-

го деяния, выраженного небрежностью, неосторожностью, халатностью и т.д. Отграничение, в таком случае, противоправного поведения от неправомерного может состоять в том, причиняется ли вред охраняемым общественным отношениям в том смысле, который придается вреду в КоАП РФ и УК РФ [5].

Критерии правомерности поведения могут быть сформулированы на основании уже существующего представления о нем. Система данных критериев должна быть устойчивой, что позволит применять ее постоянно.

Первым и основным критерием правомерного поведения выступает его системность [10], то есть критерий, который может быть применен не только для оценки правомерного поведения, но и правового поведения в целом, а также отдельных его разновидностей. Неоднократно проявляющееся сходное поведение, предполагающее возможность наступления определенных последствий и наличие рисков, должно быть упорядочено. Единичные проявления того или иного поведения не предполагают, за исключением отдельных случаев, необходимости вмешательства со стороны государства и формирования правил поведения, ограничений, запретов, установления того или иного вида ответственности и возможного наказания. В целом невозможно регулировать все виды и типы поведения, отношений, поэтому в современном государстве установлены диспозитивные нормы, предполагающие усмотрение индивида, и, одновременно, предусматривающие определенные границы поведения, что выражается в существовании запретов и ограничений. В правовом регулировании общественных отношений и, в частности, поведения индивидов, заключается второй критерий.

Как пример допустимо привести право и, одновременно обязанность родителей по воспитанию детей [4]. В данном случае присутствует указание на то, каким должно быть правомерное поведение – родитель должен воспитывать своего ребенка. Отклонение от данной модели, то есть неисполнение обязанностей по воспитанию, не позволяет оценить поведение как правомерное. В зависимости от фактических обстоятельств, такое поведение будет оценено либо как неправомерное, либо как противоправное.

Третий критерий – это социальное одобрение или, как иначе определяется в научной литературе данный критерий, соответствие нравственным идеалам и представлениям об образце поведения [16].

Формально одобрения со стороны общества, той его части, которая на наделена властными полномочиями, для оценки поведения, как право-

мерного, не требуется. Тем не менее, законодательство нашего государства основывается на аксиологии во многом, то есть оценка с позиции морали и нравственности предполагается. Допустимо утверждать, что и оценка со стороны общества также важна, хотя следует учитывать, что мнение отдельного человека всегда субъективно. Субъективным же будет и мнение большинства, но в силу того, что человек живет в социуме, вынужден коммуницировать с ним, мнение большинства имеет значение для оценки деяния, как правомерного, хотя представление людей о правомерности может существенно отличаться от того, которое присутствует в законе. Например, в ситуации убийства, спровоцированного потерпевшим, мнение граждан может быть в пользу лица, обвиняемого в совершении преступления, в том числе в аспекте оправдания с учетом личности потерпевшего. Однако закон не предусматривает возможности освобождения от ответственности в силу оценки деяния населением, хотя и предполагает учет фактических обстоятельств, в том числе поведения потерпевшего (например, можно сравнить ст. 107 УК РФ [5] и ст. 105 УК РФ: в обоих случаях имеет место причинение смерти, однако в ст. 107 это деяние наказывается исправительными работами или лишением свободы на срок до трех лет, а во втором – только лишением свободы на срок от 6 до 15 лет).

Некоторые исследователи, к примеру, Д.А. Матанцев, несколько иначе интерпретируют критерий, выделяя социальную значимость [17], что во многом обусловлено подходом к характеристике правового поведения в целом, а не правомерного поведения, как его разновидности.

Соглашаясь с Д.А. Матанцевым, отметим, что правовое поведение во всех случаях является социально значимым, так как предполагает наступление социально значимых последствий. Помимо этого, речь идет о построении общественных отношений, так как правоотношения – это часть общественных отношений. Применительно к правомерному поведению присутствует социальное одобрение, в то время как в отношении неправомерного или противоправного – неодобрение, порицание.

Помимо отношения общества и государства к поведению определенного субъекта, будь то индивидуальный или коллективный, для характеристики правомерного поведения важен такой критерий, как личностная оценка самого субъекта, его отношения к собственным поступкам, а также мотивация.

В первую очередь следует отметить, что речь идет об осознанном поведении, об осознанном вы-

боре поведения. Российское законодательство выделяет наличие и отсутствие дееспособности (ст. 21 ГК РФ [2]), ограниченную дееспособность и недееспособность (ст. 26-29 ГК РФ), а также понятия вменяемости и невменяемости (ст. 21 УК РФ).

Полное отсутствие дееспособности и невменяемость могут рассматриваться, как факторы, не предполагающие возможности оценки поведения, как правомерного или неправомерного. Например, в силу действующего законодательства недееспособный не может быть участником никаких гражданско-правовых отношений (ГК РФ), он лично не несет гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, возмещение осуществляется опекуном или организацией, осуществляющей надзор (ГК РФ). Толковать допустимо такой подход в правовом регулировании как отказ от оценки деяния недееспособного в качестве правомерного или неправомерного с позиции права.

УК РФ также не предполагает формальной оценки деяния как правомерного или неправомерного в том случае, если на момент его совершения лицо находилось в состоянии невменяемости. Даже при наличии негативных общественно опасных последствий привлечение к ответственности невозможно. Фактически, поведение является противоправным, но отсутствие такого важного момента, как осознанность поведения, исключает формальную оценку со стороны государства и наступление негативных последствий уже для лица, совершившего преступление, даже при наличии вреда не только охраняемым правом общественным отношениям, но и материального вреда, вреда здоровью или жизни человека.

Поэтому можно утверждать, что еще одним критерием правомерного поведения является формальность оценки на основе совокупности признаков, закрепленных непосредственно в действующем законодательстве. Пределы оценки также устанавливаются законодательством в силу того, что ряд его положений диспозитивно. Свобода усмотрений и выбор поведения должны осуществляться в тех границах, которые непосредственно установлены законом.

Помимо этого, критерием правомерного поведения выступает целесообразность. Акцент на целесообразности сделан по причине того, что, в зависимости от цели, достижение которой преследует субъект правоотношений, его поведение может быть оценено и как правомерное, и как неправомерное.

Наглядным примером может выступать необходимая оборона, при которой причиняется вред, но поведение оценивается, как правомерное, будучи ориентированным на предотвращение иного

вреда, к примеру, при защите личности от посягательства (ст. 37 УК РФ).

Для гражданско-правовых отношений можно привести иной пример – заключение сделки. Само по себе заключение сделки ГК РФ, безусловно, допускает, но если она является мнимой или притворной (ст. 170 ГК РФ), то поведение уже не может быть определено, как правомерное, что влечет за собой наступление негативных последствий, предусмотренных ст. 167 ГК РФ: признание таких сделок ничтожными, что придает им характер недействительности и влечет за собой недействительность всех юридических последствий, которые могли бы быть связаны с исполнением обязательств по таким сделкам.

Момент оценки поведения не менее важен, чем его проявление во вне. Правовое поведение приобретает значение преимущественно в ситуации, когда возникает необходимость его оценить. Правомерное поведение не является исключением. До определенного момента поведение субъектов общественных отношений не предполагает его анализа на соответствие нормам права. Преимущественно только в ситуации конфликта той или иной степени поведению субъектов правоотношений уделяется внимание и происходит его оценка.

Таким образом, критериями, на основании которых квалифицируется поведение, как правомерное или не подпадающее под характеристики такого, являются следующие: во-первых, поведение должно иметь характер повторяющегося, системного, а не единичного действия, то есть оно в определенной мере должно быть распространено; во-вторых, как правомерное поведение может рассматриваться только то, которое урегулировано нормами права, то есть существуют определенные предписания, определяющие норму поведения; в-третьих, правомерным является поведение, которое получает одобрение со стороны социума, но соответствие нормативно определенным признакам все же первично; в-четвертых, в качестве критерия ограничения правомерного поведения предлагается рассматривать осознанность поведения со стороны непосредственно самого субъекта правоотношений; в-пятых, – формальное соответствие нормам права, устанавливающим требования в отношении поведения субъекта, и его внешняя оценка. Поведение, которое не предполагает оценки, не следует рассматривать ни в качестве правомерного, ни в качестве правового в целом.

Как представляется, правовое поведение обусловлено правосознанием, как самостоятельным правовым явлением, имеющим ряд признаков, которые сводятся к тому, что правосознание, как оценочная категория отношения людей к праву,

отражает только государственные явления посредством юридических категорий, работает на опережение, взаимодействует с другими формами общественного сознания и воздействует на социальные процессы.

От того, насколько коллективное правосознание общества готово транслировать на подрастающее поколение устойчивые паттерны правомерного поведения, зависит то, в каком качестве сформируется будущее коллективное правосознание, а также правосознание каждого человека.

В условиях активизации цифровых процессов повышается уровень фрагментации правового сознания (не целостное восприятие себя как личности и гражданина в правовом обществе, а распад правовой картины общества на связанные элементы), что является на современном этапе специфической особенностью его развития, обусловленное большим потоком информации, и порождает существование пробелов в правовых знаниях.

В условиях цифровизации может быть выделен целый ряд направлений для последующего исследования процесса преобразования правового сознания граждан:

- его сегментирование как серьезная опасность для существующего в государстве правопорядка, опасность для обеспечения соблюдения гражданами этого государства действующих законодательных предписаний;

- особенности воздействия процесса повсеместного внедрения различных цифровых технологий на составные элементы правового сознания;

- воздействие этого процесса на систему правовых ценностей;

- соотношение двух типов правосознания (коллективного и индивидуального) на новом этапе социального развития [20].

В связи с изложенным, указанные выше критерии представляются обобщенными для любого поведения, демонстрируемого в правовой системе. Учитывая, что на сегодняшний день в мире происходит цифровизация всех сфер общественной жизни, надо признать, что поведение людей тоже видоизменяется, трансформируется, фрагментируется правовое сознание [20]. В связи с этим и критерии правомерного поведения необходимо обозначать через призму цифровой трансформации права [13].

Цифровизация социальной сферы в настоящее время в значительной мере отражается на динамике изменения отношения граждан к существующему в государстве правопорядку. Психоэмоциональное восприятие членами общества права, как регулятора существующих в нем общественных отношений, в значительной мере трансформирует-

ся под воздействием активного протекания процессов цифровизации. Кроме этого, осуществляется весьма значительная дезинтеграция общества, в связи с чем, происходит, как уже было отмечено, фрагментация правового сознания граждан, что выражается в наличии серьезных пробелов в правовых знаниях.

По словам А.А. Карцхия, очевидно, что цифровая реальность «уже формирует поведение человека, нормы социальных отношений, начинает создавать цифровое право и правосознание» [14].

Как отмечают авторы коллективной монографии «Трансформация права в цифровую эпоху» [23], общественные отношения продвинулись, а конституционно-правовое регулирование не успело адаптироваться. В результате, как отмечено в монографии, к виртуальным отношениям, которые могут иметь характер правовых, к правам и свободам, выраженных в виртуальном пространстве, применяются нормы, которые «изначально не созданы для регулирования отношений с цифровой спецификой» [23].

Как отмечал еще в 2010 году Д.В. Ефременко, фактически можно наблюдать, как происходит перемещение институтов представительной демократии в киберпространство [9]. М. Кастельс, автор концепции сетевого общества, полагает, что легитимность государства снижается в условиях смещения общественного сознания в область коммуникации [15].

Таким образом, с одной стороны, мы имеем индустриальное цифровое развитие, внедрение технологий в общественные отношения, в повседневную жизнь, упрощение многих процессов, с другой стороны – смену социальной парадигмы, трансформацию правосознания, неповоротливость механизма правового регулирования, не поспевающего за развитием общества, в силу чего многие «оцифрованные» взаимодействия остаются нерегулированными, а некоторые теряют необходимость в регулировании правом, поскольку совершаются на основе алгоритмов, что снижает в целом значимость права в обществе и не способствует формированию устойчивого правового поведения.

Так, например, как отмечает Д.А. Пашенцев [19], расширение пространства социальных взаимодействий за счет виртуального пространства влечет за собой так же и совершение различных действий, которые должны регулироваться правом, например, сделки. При этом отношения в сети имеют несколько иной контекст и могут пониматься в соотношении с законодательством как неформальные. Затрудняет регулирование виртуальных отношений неготовность законодательства

на данный момент к регулированию таких отношений, которые могут быть обезличенными. Поведение в сети, за счет возможности обезличенного взаимодействия, может становиться более свободным, при этом пользователь не стремится к правовому поведению, так как возникает ложное чувство неуязвимости. Однако цифровые технологии создают больше возможностей контролировать поведение за счет различных приспособлений: систем распознавания лиц, пропускной системы в образовательных организациях, камер видеонаблюдения и т.д. Д.А. Пашенцев указывает в этом контексте на опыт Сингапура, имеющую всеобщую систему контроля и высокие штрафы, что в целом позволило оказать существенное влияние на поведение граждан и укрепить законность и правопорядок.

Следует согласиться с приведенными тенденциями, тем более что они приобретают возрастающую значимость. В современном обществе правомерное поведение, на наш взгляд, приобретает иные, по сравнению с традиционными, критерии, выявление которых затрудняется в связи со смещением общественных отношений в виртуальную плоскость.

Выводы

Представляется, что в обществе на сегодняшний день сложилось, как минимум, три поведенческих сегмента:

1) правомерное правосознательное поведение, ориентированное на нормы права – поведение, обусловленное сформированным, чаще всего, позитивным, правосознанием, ориентированном на законодательство и Конституцию РФ. Такое поведение можно наблюдать у лиц старшего возраста, не связанных правосознанием с виртуальным пространством;

2) фрагментированное правомерное поведение, ориентированное на нормы права – поведение, обусловленное фрагментированным (пробельным) правосознанием, не полностью сформированным, частично ориентированном на основные положения Конституции РФ и законодательства РФ, стремление к неправовому поведению в сети;

3) фрагментированное поведение, ориентированное на «сетевые правила поведения» – поведение, обусловленное фрагментированным правосознанием, находящимся в стадии формирования, ориентированном на правила поведения, признанные в сети как единственно правильные. В данном случае можно говорить о сетевом (цифровом) фрагментированном правосознании и поведении.

Разумеется, деление весьма условное, однако дает понимание того, насколько затруднено на

данний момент определение однозначных критерий правомерного поведения.

Представляется, что, когда нормы права, в следовании которым заключено правомерное поведе-

ние, будут приведены в соответствие с реальностью, только тогда можно говорить о критериях как правомерного, так и неправомерного поведения.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. 32. Ст. 3301. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
6. Бортников Д.М. Проблема определения содержания правомерности поведения // Вестник Академии права и управления. 2023. № 3 (73). С. 21 – 24.
7. Боляк И.А. Поведение в публично-правовой сфере: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2005. 28 с.
8. Егорова М.А., Кинев А.Ю. К вопросу о связи частноправовых убытков с нарушением антимонопольного законодательства // Борьба с картелями: итоги, вызовы, перспективы. Сборник научных статей и тезисов / Под ред. А.П. Тенишева, А.В. Тесленко. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 592 с.
9. Ефременко Д.В. Концепция общества знания и ее оборотная сторона // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. 234 с.
10. Иванец Г.И. Юридически значимое поведение: анализ взаимосвязи правомерного и противоправного поведения // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 36 – 38.
11. Идрисов Х.В. Взаимосвязь категорий ответственности и вины: лингвистический, психологический и социально-правовой анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 54 – 64.
12. Казаков В.Н. Правомерное поведение и правопорядок: дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Москва, 1996. 185 с.
13. Карцхия А.А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 25 – 29.
14. Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17 – 26.
15. Кастельс М. Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе // Концепция «общества знания» в современной социальной теории // Концепция «общества знания» в современной социальной теории / отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 227 – 232.
16. Кобландиев К.У. Виды правомерного поведения // Мир Закона. 2022. № 9-10 (245-246). С. 23 – 27.
17. Матанцев Д.А. К проблеме типологии правового поведения // Инновационное развитие государства и права в цифровую эпоху. Сборник научных трудов XXII Международной научной конференции Сер. «Муромцевские чтения». Под редакцией Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, О.Н. Васильевой. Москва, 2022. С. 118 – 126.
18. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности: теоретические и методологические проблемы: дис. ... докт. юр. наук: 12.00.01. Киев, 1990. 374 с.
19. Пашенцев Д.А. Динамика правового поведения в условиях цифровой трансформации общества // Права человека в XXI в.: перспективы и вызовы. 2022. С. 322 – 330.
20. Попова Н.Н. Правосознание в условиях формирования цифрового общества // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 2 (46). С. 34 – 39.

21. Слизовский В.А., Степанова Ю.С. Теория мотивации в поведении субъекта правоотношений: мотивы правомерного и делинквентного поведения // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2021. Т. 4. № 13. С. 228 – 233.
22. Титова Е.В. Теория правомерного поведения в российском конституционном праве: монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 297 с.
23. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.
24. Тюрина Н.И. Правомерное поведение как объект юридического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Саратовская гос. акад. права. Саратов, 2003. 28 с.
25. Фролова Н.Ю. Правомерное и неправомерное поведение как парные юридические категории: обще-теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 197 с.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Official Internet portal of legal information. <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 31.10.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. 32. Art. 3301. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.
3. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 28.12.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 1391.
4. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.
5. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 21.04.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. N 25. Art. 2954.
6. Bortnikov D.M. The Problem of Determining the Contents of the Legality of Behavior. Bulletin of the Academy of Law and Management. 2023. N 3 (73). P. 21 – 24.
7. Bolyak I.A. Behavior in the Public Law Sphere: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences: 12.00.01. Moscow, 2005. 28 p.
8. Egorova M.A., Kinev A.Yu. On the Relationship between Private Law Damages and Violation of Antitrust Legislation. Combating Cartels: Results, Challenges, Prospects. Collection of Scientific Articles and Abstracts / Ed. by A.P. Tenishev, A.V. Teslenko. Moscow: Publishing House "Deleno" RANEPA, 2020. 592 p.
9. Efremenko D.V. The Concept of Knowledge Society and Its Reverse Side. The Concept of the "Knowledge Society" in Modern Social Theory: Collection of Scientific Papers. RAS. INION. Center for Social. Scientific and Information Research. Department of Sociology and Social. Psychology; Ed. by D.V. Efremenko. Moscow, 2010. 234 p.
10. Ivanets G.I. Legally significant behavior: analysis of the relationship between lawful and unlawful behavior. Law and state: theory and practice. 2022. No. 8 (212). P. 36 – 38.
11. Idrisov H.V. The relationship between the categories of responsibility and guilt: linguistic, psychological and socio-legal analysis. North Caucasian Legal Bulletin. 2022. No. 4. P. 54 – 64.
12. Kazakov V.N. Lawful behavior and law and order: diss. ... Cand. of Law. 12.00.01. Moscow, 1996. 185 p.
13. Kartkhia A.A. Digital transformation of law. Monitoring of law enforcement. 2019. No. 1 (30). P. 25 – 29.
14. Kartshya A.A. Digital imperative: new technologies create a new reality. IS. Copyright and related rights. 2017. No. 8. P. 17 – 26.
15. Castells M. Communication, power and counter-power in the network society. The concept of the "knowledge society" in modern social theory. The concept of the "knowledge society" in modern social theory. ed. D.V. Efremenko. Moscow, 2010. P. 227 – 232.
16. Koblandiyev K.U. Types of lawful behavior. World of Law. 2022. No. 9-10 (245-246). P. 23 – 27.
17. Matantsev D.A. On the Problem of the Typology of Legal Behavior. Innovative Development of the State and Law in the Digital Age. Collection of Scientific Papers of the XXII International Scientific Conference Series "Muromtsev Readings". Edited by N.I. Arkhipova, S.V. Timofeev, O.N. Vasilyeva. Moscow, 2022. P. 118 – 126.

18. Oksamynny V.V. Lawful Behavior of an Individual: Theoretical and Methodological Problems: Dis. ... Doctor of Law: 12.00.01. Kyiv, 1990. 374 p.
19. Pashentsev D.A. Dynamics of Legal Behavior in the Context of Digital Transformation of Society. Human Rights in the XXI Century: Prospects and Challenges. 2022. P. 322 – 330.
20. Popova N.N. Legal consciousness in the context of the formation of a digital society. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Legal Sciences". 2022. No. 2 (46). P. 34 – 39.
21. Slezovskiy V.A., Stepanova Yu.S. Theory of motivation in the behavior of the subject of legal relations: motives of lawful and delinquent behavior. Bulletin of the student scientific society of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Donetsk National University". 2021. Vol. 4. No. 13. P. 228 – 233.
22. Titova E.V. Theory of lawful behavior in Russian constitutional law: monograph. Chelyabinsk: Publishing Center of SUSU, 2019. 297 p.
23. Transformation of law in the digital age: monograph. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Altai State University; ed. A.A. Vasilyeva. Barnaul: Publishing house of Alt. University, 2020. 432 p.
24. Tyurina N.I. Lawful behavior as an object of legal research: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Saratov State Academy of Law. Saratov, 2003. 28 p.
25. Frolova N.Yu. Lawful and unlawful behavior as paired legal categories: general theoretical aspect: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2010. 197 p.

Информация об авторе

Бортников Д.М., аспирант, Российский новый университет, bortnikoff@yandex.ru

© Бортников Д.М., 2025